

Сейчас он должен был бы строго отчитать его, сказать, чтобы он не соблазнял его, но слова застряли на губах, и он не мог их произнести. Возможно, котёнок просто был котёнком, а он сам был слишком взволнован и фантазировал.

— Ладно, если тебе нечего делать, помоги мне, — наконец он сдался и перестал спорить с этим котёнком, пропуская его на кухню. — Готовить не умеешь, но помыть овощи сможешь?

Чувствуя, что его настроение смягчилось, Шэнь Цинчи снова поднял голову и осторожно спросил:

— Дядя... ты больше не злишься на меня?

— Я и не злился.

— Но ты только что очень сердито прогнал меня, — Шэнь Цинчи выглядел смущённым. — И... с тех пор, как я очнулся после пьянки, я чувствую, что ты стал относиться ко мне как-то... странно. Кажется, ты не очень рад, я хотел спросить, но так и не нашёл подходящего момента.

Шэнь Фан на мгновение замолчал, думая, что этот ребёнок был то ли слишком умным, то ли слишком глупым. С одной стороны, он был наивен и доверчив до крайности, не имея защиты перед окружающими. С другой, в некоторых вещах он был очень проницательным, даже смог заметить его странное настроение и захотел проявить заботу.

Он не знал, как ответить, ведь он не мог сказать «у меня возникли неподобающие мысли о тебе, поэтому я веду себя странно», поэтому решил скрыть это:

— Со мной всё в порядке, не думай об этом.

Он уже собирался вернуться к готовке, как вдруг услышал, как Шэнь Цинчи позвал его:

— Дядя.

Затем он почувствовал, как его талию обхватили, и тёплая прижалась к нему сзади, крепко обняв его.

Шэнь Фан мгновенно замер, на его лице появилось замешательство. Он с трудом посмотрел вниз на руки Шэнь Цинчи, обхватившие его талию, сглотнул и с трудом произнёс:

— ...Что ты делаешь?

— Я не знаю, почему ты расстроен, но объятия помогут, — Шэнь Цинчи серьёзно сказал. — Когда я был маленьким, моя мама, когда была расстроена, просила меня обнять её, говорила, что после этого ей становится лучше.

Шэнь Фан: «...»

Он был одновременно смешон и растерян, эти слова Шэнь Цинчи сбили его с толку, и он даже забыл, что должен делать.

Первое, что пришло ему в голову, было «оказывается, Чжу Чжэнцзюань тоже проявляла материнскую любовь к Шэнь Цинчи», но с тех пор прошло много времени, и их отношения стали настолько холодными, что уже не вернуть.

Прошло некоторое время, прежде чем он смог снова собраться с мыслями:

— Отпусти, я не твоя мама.

— Но ты мой дядя, — Шэнь Цинчи сказал. — Мы семья, разница невелика.

Семья...

Это слово заставило Шэнь Фана задуматься, он не мог понять, радоваться ему или грустить. Он положил руку на руку Шэнь Цинчи, пытаясь разжать его пальцы, но не мог заставить себя сделать это.

Тело мальчика было мягким и тёплым, от него пахло шампунем после душа, и его разум снова погрузился в этот объятый, хотя он знал, что это был просто «утешительный» жест, без каких-либо нечистых намерений, но его тело всё равно жаждало этого тепла, хотело удержать его подольше, даже если это было использование добрых намерений мальчика.

Он закрыл глаза, чувствуя, как тепло тела Шэнь Цинчи проникало через тонкую ткань его одежды, и на мгновение не сопротивлялся и не останавливал его.

— Тебе стало лучше, дядя? — Шэнь Цинчи спросил. — Я сказал что-то обидное, когда был пьян... извини, не принимай это близко к сердцу, я больше не буду пить.

— ...Да, — уголок губ Шэнь Фана дрогнул в улыбке. — Ты сейчас говоришь обидные вещи.

Шэнь Цинчи вздрогнул, его голос стал нервным:

— Из... извини.

— Я шучу, — Шэнь Фан открыл глаза и похлопал его по руке. — Отпусти, я не злюсь, не расстроен и не обманываю тебя.

Шэнь Цинчи наконец отпустил его, смущённо отвернувшись:

— Тогда... я помою овощи.

Шэнь Фан, глядя на его поспешно удаляющуюся фигуру, вздохнул.

Ладно.

Что он мог требовать от маленького глупого котёнка.

Сказать, что он семья... было не совсем неправильно, но понятие «семьи» Шэнь Цинчи, вероятно, отличалось от его собственного.

Он смотрел на спину мальчика, его настроение наконец успокоилось, и он сказал:

— В будущем не обнимай людей просто так.

Шэнь Цинчи обернулся:

— А?

— Со мной ещё ладно, но не делай этого с посторонними, понял?

Шэнь Цинчи выглядел смущённым его наставлением:

— Зачем мне обнимать незнакомых людей?

Шэнь Фан замер.

Шэнь Цинчи продолжил:

— Ты хороший ко мне, ты моя семья, поэтому я забочусь о том, чтобы ты не расстраивался. Если бы это был просто знакомый, я бы максимум сказал пару слов утешения, зачем мне их обнимать?

Шэнь Фан не знал, что ответить.

— И вообще, не так много людей, о ком я могу заботиться, — Шэнь Цинчи опустил голову, тщательно промывая овощи в раковине. — Я сейчас никуда не могу пойти, моя мама... Чжу Чжэнцзюань считает меня врагом, Шэнь Цзин использует меня как инструмент, Чжоу Ванъянь и говорить нечего, а друзья и одноклассники из школы после выпуска все исчезли. Сейчас только ты согласился приютить меня.

Он сделал паузу:

— Если однажды ты тоже не захочешь меня видеть, я исчезну, не волнуйся, я никому не расскажу о том, что произошло за эти дни.

Шэнь Фан нахмурился, не выдержал, подошёл и сильно потрепал его за волосы:

— Да перестань ты, что за глупости ты несешь? Когда я говорил, что не хочу тебя видеть? Я имел в виду, чтобы ты одевался, прежде чем выходить.

— Хм... — Шэнь Цинчи опустил взгляд на свои голые ноги.

— Ну что, пойдёшь? — Шэнь Фан строго сказал. — Я сам помою овощи, иди уже, иди, ты так и простудишься.

Шэнь Цинчи тихо возразил:

— В такую жару невозможно простудиться...

Шэнь Фан посмотрел на него, и Шэнь Цинчи больше не спорил, вытер руки и поспешно убежал.

Наконец нашёл повод прогнать кого-то, Шэнь Фан чувствовал себя измотанным, думая, что он, вероятно, упал в глубокую яму под названием «Шэнь Цинчи» и никогда не выберется.

Как он мог научить маленького глупого котёнка, что так легко соблазнять людей — это преступление?

Ладно, пусть будет глупым, чтобы не заметить его грязных мыслей.

Пусть считает его дядей, по крайней мере, здесь он сможет защитить его от других, если отпустить его на волю, кто знает, что может случиться.

С таким настроением в последующие дни Шэнь Фан больше не избегал контактов с Шэнь Цинчи, но каждый раз, когда смотрел на него, чувствовал, как чешется нос, и был на грани кровотечения.

А Шэнь Цинчи всё ещё не осознавал, что доставлял ему неудобства, продолжая вертеться перед ним, приближаться к нему, каждую ночь говорить «спокойной ночи», называя его дядей, и чуть ли не предлагая мыться и спать в одной комнате.

Шэнь Фан страдал.

В такой атмосфере лето подошло к концу.

За три дня до начала учебного года Шэнь Цинчи наконец получил новое удостоверение личности по почте.

Он был в восторге, спросив Шэнь Фана:

— Дядя, теперь, когда у меня есть удостоверение личности, я могу сразу пойти в школу и зарегистрироваться? Раньше я уже договаривался с директором... тогда школа сможет определить, кто из нас, я или Чжоу Ванъянь, настоящий Шэнь Цинчи?

— Теоретически, да, — Шэнь Фан, чистя яблоко, поднял на него взгляд. — Но вопрос в том, как ты доберёшься до школы, чтобы тебя не остановили люди Шэнь Цина.

— А нельзя пойти, как в прошлый раз?

— В прошлый раз? — Шэнь Фан приподнял бровь и улыбнулся. — В прошлый раз я мог отвезти тебя на машине, но это не значит, что так можно и сейчас. Ты что, хочешь, чтобы я пошёл с тобой в школу и противостоял Чжоу Ванъяню?

Шэнь Цинчи замер, затем замолчал.

Правильно, Шэнь Фан ни в коем случае не мог выдать свою позицию в этом деле.

Сейчас Шэнь Цинчи считает, что Шэнь Фан заставил его сидеть дома и щёлкать грецкие орехи, и они с Шэнь Фаном враги. Если Шэнь Фан проявит к нему какую-либо доброту, это насторожит Шэнь Цина.

<http://bllate.org/book/16296/1469554>